

У Линь Чжао перехватило дыхание. Он так и не смог сдержаться — с его пальца сорвалось крошечное, тонкое, словно игла, перо и вонзилось воину в шею.

Он надеялся вытянуть скверну до того, как несчастный шагнет в костер из священного дерева.

Цзи Яогуан потянулся было остановить его, но на полпути опустил руку и тихо вздохнул.

В то же мгновение воин вспыхнул. Пламя взметнулось ослепительным столпом, ярким, точно полуденное солнце. В воздух полетели бесчисленные искры и пепел, бесследно угасая в порывах ветра. Не прошло и нескольких вдохов, как на землю с глухим металлическим стуком рухнули пустые доспехи. Ожидавшие рядом солдаты со слезами на глазах бережно их подобрали.

Обреченный боец до самого конца даже не оглянулся. Ему было все равно, кто вонзил в него иглу. Слишком привычное зрелище: всегда находился какой-нибудь сердобольный шаман, пытавшийся сотворить чудо. За долгие годы службы воины навиделись всякого. Они провожали в последний путь бесчисленное множество соратников, но еще ни разу не видели, чтобы кого-то удалось спасти.

Линь Чжао побледнел. Не веря собственным глазам, он уставился на свои ладони, а затем растерянно посмотрел на Цзи Яогуана.

— Он был слишком слаб. Скверна давно заменила ему плоть, поэтому пламя твоего Золотого ворона оказалось для него непосильной ношей, — тихо произнес Цзи Яогуан. — А-Чжао, ты еще не понимаешь: чем слабее существо, тем беззащитнее оно перед распадом. Даже ранг человеческого шамана в нашем мире — один на десять тысяч. Если человек слишком далек от солнца, он замерзнет. Но если приблизится чересчур близко — сгорит.

— И даже ты бессилен? — спросил Линь Чжао, провожая взглядом оставшихся воинов. Их оставалось еще с десяток.

— Прежде, возможно, я бы сумел помочь. Но не теперь, — с горечью ответил Цзи Яогуан. — Сама его человеческая суть переродилась, слилась со скверной. Чтобы спасти его, нужно сначала полностью восстановить тело. Будь он хотя бы человеческим шаманом, то после изгнания заразы его плоть регенерировала бы сама.

В былые времена Цзи Яогуан мог бы поделиться своей древесной сердцевинкой, чтобы принять на себя часть порчи и возродить угасающую плоть. Но за год он мог вырастить лишь единицы таких сердец. В шаманском государстве они служили величайшей наградой за воинские заслуги и предназначались лишь для владык, небесных шаманов и прочих титанов, оберегавших рубежи от Великого зла. Простые солдаты о подобном чуде даже не слышали.

Линь Чжао посмотрел на безутешно рыдающего ребенка и сжал кулаки.

«Теперь он понял: без возможности восстановить плоть его пламя Золотого ворона лишь ускоряло неизбежный конец, выступая в роли безжалостного катализатора»

— И никаких других способов нет?

— Он слишком долго тянул, — Цзи Яогуан мягко положил руку ему на плечо. — Если бы он вовремя очищал тело с помощью священного дерева и ритуалов, распад шел бы бесконечно медленно. Он спокойно дожил бы до глубокой старости. Или если бы он вовремя оставил службу, перестал сражаться и соприкасаться с порождениями скверны, все не закончилось бы так трагично.

— Верно говорите, — вздохнул лавочник, прислушавшись к их разговору. — Только вот на Великой стене платят больше всего. Да и если погибнешь, семье выплатят щедрое пособие. А если потеряешь шаманскую силу и превратишься в калеку, то не просто останешься без гроша — станешь обузой для близких. И ведь за очищение от скверны тоже нужно платить... Такая жизнь хуже смерти.

— Но разве им нельзя выплачивать ежемесячное пособие? Они ведь проливали кровь за государство Ди, — сорвалось у Линь Чжао.

Он и сам понимал, что в этом жестоком мире ресурсы на вес золота, но ему было невыносимо жаль этих людей.

— Выплачивают, да только крохи, на которые едва ли купишь миску похлебки, — лавочник отмахнулся, явно не желая бередить душу тяжелыми мыслями, и сменил тему: — Вы тут уже два дня крутитесь. Шли бы лучше отсюда побыстрее. Во внешнем городе скверна густая, надышитесь — потом замучаетесь за очищение платить.

Линь Чжао вгляделся в его иссеченное морщинами, обветренное лицо.

— Судя по всему, вы и сами не сильны в магии и не можете защититься от скверны. Зачем же тогда торгуете во внешнем городе?

— Здесь можно продать подороже, — простодушно улыбнулся торговец. — Мой сорванец провалил первое шаманское посвящение, но упрямо готовится ко второму. Вот накоплю ему на обряд — и сразу уеду отсюда.

— Неужели подношения для ритуала стоят так дорого? — спросил Линь Чжао.

Ему вспомнилось собственное посвящение: старый шаман устроил все сам и не взял с него ни единой ракушки.

— Да нет, не особо, — хмыкнул лавочник. — Для учеников первое посвящение всегда

бесплатное. За второе государство Ди оплачивает половину стоимости. И только за третье приходится платить сполна. Впрочем, я своего оболтуса на третью попытку ни за что не пущу.

Линь Чжао хотел расспросить подробнее, но Цзи Яогуан уже мягко увлек его за собой.

— К третьей попытке в душе накапливается столько скверны, что претендент с вероятностью один к пяти может переродиться в первородного призрака, — негромко объяснял на ходу Цзи Яогуан. — Поэтому ордены и школы настоятельно не рекомендуют искушать судьбу в третий раз. И все же путь шамана — единственный способ вырваться из нищеты. Многие юноши и девушки готовы рискнуть жизнью ради этого призрачного шанса.

— Двадцать процентов смертности — это безумие, — покачал головой удрученный Линь Чжао.
— Разве нельзя просто жить обычной жизнью, не стремясь в шаманы?

— Обычным людям приходится куда солонее, — с тихим вздохом отозвался Цзи Яогуан. — Ты просто не видел, что происходит, когда падает Великая стена...

Он запнулся, не желая продолжать, и поспешно сменил тему:

— Ладно, впереди внутренний город. Пойдем скорее.

Линь Чжао попытался отогнать мрачные мысли. Они подошли к невысокой, около десятка метров, серо-зеленой стене и встали в очередь.

Задрав голову, он принялся рассматривать преграду. Стену сложили из плотно пригнанных деревянных брусьев, местами уже тронутых гнилью и густо заросших синевато-пурпурным мхом. Малыши лет восьми-деяти в черно-белой ученической форме ловко карабкались по отвесной круче. Цепляясь за малейшие выступы словно ящерицы, они маленькими белыми лопаточками шириной в палец соскабливали мох и бережно складывали его в холщовые мешочки. Со стороны это зрелище казалось смертельно опасным.

— Это шаманы-ученики, — пояснил Цзи Яогуан, заметив его взгляд. — Стену возвели из священного дерева. Мох, который на нем растет, впитывает его силу и обладает целебными свойствами. Его используют в медицине и как основу для красок при нанесении тотемов. Для детей это обязательная ежемесячная повинность, а заодно возможность привыкнуть к суровому воздуху внешнего города.

Линь Чжао смотрел на не по-детски серьезные лица учеников, и на душе у него становилось все тоскливее.

«Если на окраинах творится такое, то во внутреннем городе, должно быть, царит совсем беспросветное уныние»

Когда подошла их очередь, Линь Чжао заметил у ворот медный приемник для монет. Рядом висела табличка: «Плата за вход — одна золотая ракушка». Торговаться здесь было бессмысленно. Монета мгновенно исчезла в недрах механизма, унося с собой львиную долю их выручки за проданный виноград.

Однако стоило им миновать темный сводчатый проход и ступить на улицы внутреннего города, как Линь Чжао застыл в изумлении.

Вокруг шумела живая, яркая и на удивление благополучная толпа. Зеленели бамбуковые рощи, витал аппетитный пар от уличных жаровен.

Дорогу с обеих сторон обступал золотисто-зеленый бамбук, стебли которого плавно клонились друг к другу, смыкаясь на высоте десяти метров великолепным живым сводом.

По обе стороны улицы тянулись нарядные бамбуковые домики, образуя причудливые многоуровневые кварталы. Лучи Пурпурного Солнца, пробиваясь сквозь густую листву, ложились на мостовую мягкой золотистой мозаикой. Линь Чжао сразу почувствовал облегчение: отфильтрованный зеленью свет почти лишился своей ядовитой, разрушительной силы. Вдоль дорог по бамбуковым желобам весело журчала чистейшая ключевая вода, в декоративных заводях лениво шевелили хвостами золотые рыбки. Настоящий оазис среди мертвой пустоши.

Мимо них непрерывным потоком шли нарядные прохожие, со скрипом катились повозки, запряженные диковинными зверями. Неподалеку выстроились в ряд палатки торговцев едой. Пестрые вывески, зазывающие крики заставили Линь Чжао на миг позабыть обо всем — он словно перенесся в студенческие годы, на шумную площадь у ворот родного университета.

— Молодой человек, не желаете отведать горячего рагу? — приветливо окликнула его немолодая женщина из ближайшей лавки. — Отборные побеги бамбука, свежий лук, нежная свинина и сочные бобовые ростки под моим фирменным соусом! Пальчики оближете, попробуйте!

У Линь Чжао от этого запаха едва слезы на глаза не навернулись.

«Видит небо, за четыре года в этом проклятом симуляторе он либо питался сырым мясом, как дикарь, либо жевал безвкусные плоды, а временами от голода готов был землю есть. Он уже и забыть успел, какова на вкус нормальная, горячая домашняя пища!»

— Нам порцию! — поспешно выпалил он и обернулся к спутнику: — Будешь?

Цзи Яогуан мягко улыбнулся:

— С удовольствием.

С этими словами он вполне непринужденно устроился на низеньком бамбуковом табурете возле прилавка, выудил из подставки палочки и протянул их Линь Чжао.

Столик был крошечным, сиденья — совсем низкими. Из-за этого им пришлось сидеть так близко друг к другу, что растрепанные вихры Линь Чжао едва не задевали изящный венец на голове Цзи Яогуана.

«Раньше дома у нас столы были чересчур огромными, — лениво подумал Цзи Яогуан. — Собеседники сидели так далеко друг от друга, словно чужие. А здесь — в самый раз»

Вскоре перед ними опустились две глубокие глиняные чаши, щедро сдобренные ложкой ароматного острого соуса.

Линь Чжао зажмурился от удовольствия, вдыхая пряные пары, быстро перемешал содержимое и принялся уплетать за обе щеки.

Цзи Яогуан аккуратно отодвинул острый соус на край чаши и принялся неспешно жевать хрустящие ростки, тихо любуясь тем, с каким аппетитом ест его спутник.

От этого зрелища его улыбка становилась лишь теплее.

Линь Чжао с довольным урчанием осушил миску до последней капли бульона. Только тогда Цзи Яогуан с удивлением обнаружил, что и его собственная чаша пуста.

«Надо же, я ведь терпеть не могу мясо... и все равно съел все дочиста»

— С вас двадцать голубых ракушек, уважаемые, — приветливо объявила хозяйка.

Цзи Яогуан потянулся было к поясу, но тут же вспомнил, что все их нехитрые сбережения хранятся у Линь Чжао, и с кроткой надеждой уставился на юношу.

Тот с важным видом выудил из кармана блестящую золотую ракушку и положил на деревянную столешницу.

— Ох, какая крупная монета! — тактично восхитилась женщина. Она вытерла руки о передник, бережно взяла золотую ракушку и слегка дунула на нее. Воздух наполнился чистым, едва слышным рокотом морского прибоя — верным признаком подлинности. — Погодите минутку, господа, я мигом разменяю у соседей.

Она отлучилась к соседнему прилавку и вскоре вернулась, высыпав на стол целую пригоршню мелких монет.

— Вот, ровно двести восемьдесят голубых ракушек. Проверьте, пожалуйста.

Линь Чжао небрежно сгреб сдачу:

— Все верно. Спасибо вам, хозяйка, было невероятно вкусно!

Лицо женщины осветилось искренней, растроганной улыбкой.

Спрятав монеты в карман, Линь Чжао пошел дальше, с любопытством озираясь по сторонам.

— И все-таки поразительно, насколько внутренний город отличается от внешнего.

Окраины дышали обреченностью, опасностью и кровью, тогда как здесь царили покой, достаток и безмятежность. Словно два совершенно разных государства, разделенных одной стеной.

— Если бы те, кого мы защищаем, тоже жили в вечном страхе перед гибелью, то в чем тогда смысл нашей борьбы? — тихо отозвался Цзи Яогуан. — Лишь зная, что за их спинами процветает мир и радость, воины могут без сожаления отдавать свои жизни на стенах.

На душе у Линь Чжао потеплело. Он внимательно посмотрел на своего спутника и негромко заметил:

— Знаешь, теперь я охотно верю, что в Океан Руин тебя отправили со всеми почестями.

Улыбка на лице Цзи Яогуана на секунду застыла.

— Самому шагнуть в бездну куда достойнее, чем быть сброшенным туда чужой рукой, — грустно усмехнулся он. — Оттого я так хорошо понимаю чувства тех солдат.

— И все же, Яогуан, — серьезно произнес Линь Чжао, — какой бы выбор вы ни сделали, для меня вы все — настоящие герои.

От этих слов Цзи Яогуан слегка смутился и покраснел, но тут же облегченно улыбнулся:

— Мы лишь исполняли свой долг...

— Ладно, куда теперь? — Линь Чжао укорил себя за излишнюю сентиментальность по отношению к «старому дереву» и поспешил перевести разговор на другое.

Они неторопливо пошли под зеленым сводом бамбуковой галереи. Цзи Яогуан задумчиво произнес:

— Наша цель — центральный город Шаманского царства. От государства Ди до него больше трех тысяч ли. Чтобы преодолеть этот путь, нам понадобятся подорожные грамоты от владыки Ди, Армии Небесных Перьев и зрителей Великого тракта Лазурной реки. Придется хорошенько раскинуть мозгами, как их раздобыть.

— Чего? — изумился Линь Чжао. — Мы что, в паломничество на Запад за сутрами собрались? Зачем столько бумажек, чтобы просто добраться до столицы?

— Наше Шаманское царство необъятно, — загадочно пояснил Цзи Яогуан. — Оно куда больше тех руин, что тебе довелось повидать.

«Ну конечно, — понимающе хмыкнул про себя Линь Чжао. — В любой столице мира лимит на приезжих. Кому охота плодить трущобы в мегаполисе?»

— В Первом шаманском государстве после катаклизма уцелело около семи миллионов душ, — развел руками Цзи Яогуан. — За тысячи лет население разрослось до миллиарда, даже несмотря на постоянное переселение в вассальные земли. Столица давно трещит по швам. Уехать оттуда проще простого, а вот вернуться — задача не из легких. Контроль на заставах жесточайший.

— И что теперь? — Линь Чжао иронично выгнул бровь. — Помнится, в Океане Руин Демонов ты преспокойно взывал к своему родителю. Почему бы не повторить? Или лимит сыновней любви исчерпан?

— Если отец проведает о нас, то немедленно велит владыке Ди доставить тебя в столицу под охраной, — со вздохом признался Цзи Яогуан. — Меня же без лишних разговоров вышлют обратно в Океан Руин. А-Чжао, пойми: если тебя не будет рядом, я просто погибну...

— Вот когда умрешь, тогда и поговорим, — фыркнул Линь Чжао и отвернулся, давая понять, что тема закрыта.